

708 A

DK3

085

XCII

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS

FEB 7 1973

ФИЗИОЛОГЪ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

АЛЕКСАНДРА КАРНѢВА

1890

А. Карпневъ

МАТЕРІАЛЫ и ЗАМѢТКИ

по

ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ

ФИЗИОЛОГА

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Типографія В. Балашева:

Екатерининський каналъ, 80.

ВВЕДЕНИЕ

Литературное прошедшее Физиолога, неоднократно привлекавшее къ себѣ вниманіе изслѣдователей, доселѣ остается во многихъ отношеніяхъ темнымъ и неразъясненнымъ. Многіе существенные вопросы его литературной исторіи, каковы, напр., вопросы о родинѣ Физиолога, эпохѣ его составленія и первичномъ характерѣ, въ большинствѣ случаевъ получали у различныхъ изслѣдователей различнаго рода объясненія, зачастую исключавшія одно другое; не менѣе существенные вопросы, и притомъ такіе, которые могли бы быть разрѣшены безъ помощи гипотетическихъ построеній, на основаніи болѣе или менѣе точныхъ данныхъ, страннымъ образомъ почти вовсе не затрогивались изслѣдователями литературныхъ судебъ Физиолога. Таковъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ вопросовъ въ литературной исторіи нашего памятника, именно вопросъ о генетическихъ отношеніяхъ между доселѣ извѣстными рецензіями Физиолога. Только немногіе изъ новѣйшихъ изслѣдователей (Hommel, Land и Mann) останавливались съ нѣкоторымъ вниманіемъ на этомъ послѣднемъ вопросѣ, причемъ, все-же, сколько-нибудь подробная разработка его вовсе не имѣлась въ виду тѣмъ или другимъ изслѣдователемъ, да и самый матеріалъ для сравнительнаго анализа былъ неполонъ.

Въ литературной исторіи переходящихъ памятниковъ случалось нерѣдко, что недостающія звенья литературнаго обще-

нія неожиданно пополнялись славянскими рецензіями. Такъ и въ данномъ случаѣ, славянскіе тексты являются существенно важнымъ подспорьемъ въ правильной постановкѣ вопроса о генетическихъ отношеніяхъ между различными рецензіями Физіолога: способствовать сколько-нибудь сносному выясненію этого послѣдняго вопроса и имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, настоящій очеркъ. Различные, господствовавшіе доселѣ взгляды, высказанные во вопросу о генеалогическомъ первородствѣ той или иной рецензіи, въ большинствѣ случаевъ не сходятся съ тѣми выводами, къ коимъ приводитъ сравнительный анализъ важнѣйшихъ рецензій Физіолога: это послѣднее обстоятельство должно нѣсколько оправдать на первый взглядъ быть можетъ и педантичный характеръ изысканій по вопросу о генеалогіи текста.

При этомъ пришлось подвергнуть пересмотру и нѣкоторые другіе вопросы, связанные съ литературнымъ прошедшимъ Физіолога: какъ было уже замѣчено, взгляды, высказанные различными изслѣдователями по поводу названныхъ вопросовъ, зачастую оказывались вполне несоизмѣримыми между собою. Въ виду этого, краткій очеркъ предшествовавшихъ воззрѣній, имѣющій цѣлью выяснить болѣе или менѣе устойчивые результаты среди хаоса противорѣчій, едва ли можетъ казаться лишнимъ. Несмотря на возможно тщательное собраніе данныхъ и усиленную разработку ихъ, многое въ литературной исторіи Физіолога не поддается полному и всестороннему освѣщенію. Во всякомъ случаѣ, цѣль настоящихъ замѣтокъ достигнута, если онѣ хоть нѣсколько облегчатъ трудъ будущаго изслѣдователя литературныхъ судьбъ Физіолога.

Тотъ многовѣковой памятникъ, который сохранился до нашихъ дней подъ названіемъ Физіолога, занимаетъ настолько важное мѣсто въ исторіи всеобщей литературы по своимъ многоразличнымъ отраженіямъ въ литературныхъ памятникахъ славянскихъ и романо-германскихъ, что уже по одному

этому имѣть право претендовать на самостоятельный интересъ, на специальное къ себѣ вниманіе. Но значеніе Фیزیолога не исчерпывается его вліяніями исключительно въ свѣтской литературѣ: какъ памятникъ экзегетическій, онъ оказалъ извѣстное вліяніе на церковную письменность; проникъ въ средневѣковую проповѣдь; своей символической стороною онъ обусловилъ извѣстный стиль и укладъ средневѣковой церковной архитектуры и живописи, придавъ своеобразный отпечатокъ орнаменту и рукописной заставкѣ. Вліяніе нашего памятника спустилось и въ народную среду¹, сказавшись замѣтною струею въ памятникахъ народно-поэтического творчества, а живая рѣчь сохранила до нашихъ дней археологическіе остатки его въ видѣ цѣлаго ряда образныхъ выраженій. Различнаго рода пережитками когда-то живаго прошлаго нашего памятника богата и геральдика.

Помимо всѣхъ этихъ многоразличныхъ отраженій и вліяній, Фیزیологъ жилъ и собственною жизнью, переражаясь постепенно въ бестиарій. Этотъ послѣдній съ одной стороны ложился въ основу различныхъ литературныхъ обработокъ бестиарнаго матеріала, съ другой — входилъ, въ видѣ существенной части, въ составъ фантастическихъ средневѣковыхъ энциклопедій XIII вѣка, откуда уже фیزیологическія сказанія безчисленными лучами расходились во всѣ послѣдующіе вѣка средневѣковья.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности литературной исторіи Фیزیолога, такъ какъ разсмотрѣнію общихъ вопро-

¹ Сказанія, закрѣпленныя Фیزیологомъ, несомнѣнно входятъ существеннымъ элементомъ въ содержаніе народно-поэтическихъ свѣдѣній о природѣ, представляя богатый запасъ баснословныхъ подробностей изъ жизни животныхъ. Съ этой стороны Фیزیологъ уже былъ оцѣненъ въ мастерскомъ очеркѣ академика И. В. Ягича (*Die christlich-mythologische Schicht, etc.*, въ *Archiv für slav. Philologie*, 1875, I, 1). Въ послѣднее время на важность изученія народно-поэтическихъ свѣдѣній о природѣ со стороны перехода ихъ изъ книги въ народное знаніе указывалъ А. Н. Пыпинъ (см. *Вѣстникъ Европы*, 1885, январь, стр. 305).

совъ, связанныхъ съ литературнымъ прошлымъ нашего памятника, отводятся въ настоящемъ изслѣдованіи спеціальныя главы. Ближайшій интересъ настоящаго вступительнаго очерка представляетъ вопросъ о судьбѣ Физиолога на славянской, точнѣе говоря—на русской почвѣ: лишь при сравнительной оцѣнкѣ извѣстныхъ параллельныхъ чертъ литературнаго прошедшаго Физиолога на Западѣ и на Руси необходимо будетъ коснуться нѣкоторыхъ подробностей литературной исторіи нашего памятника въ западной Европѣ.

Самый вопросъ о наличности славянскаго перевода Физиолога долгое время казался спорнымъ и гадательнымъ. Дѣло въ томъ, что свѣдѣнія о полныхъ текстахъ славянскаго перевода Физиолога оставались личнымъ достояніемъ немногихъ знатоковъ древне-русской литературы и не проникали въ печать; съ другой стороны, то немногое, что было обнародовано нѣкоторыми изслѣдователями по вопросу о славянскомъ текстѣ Физиолога, какъ-то оставалось безъ вниманія послѣдующими изслѣдователями литературной исторіи Физиолога. Я не имѣю въ виду касаться здѣсь различнаго рода бестіаріевъ, долгое время принимаемыхъ за славянскія рецензіи Физиолога: таковы—сербскій бестіарій, изданный Ягичемъ¹, другой списокъ того же бестіарія, указанный Миклошичемъ²,

¹ См. Književnik, 1866, III, стр. 124—129: Cirilski Sbornik XVI — XVII stoljeća; бестіарій, изданный Ягичемъ, представляетъ старо-сербскую рецензію. Какъ увидимъ ниже, текстъ тѣхъ сказаній бестіарія, которыя принадлежатъ къ физиологическому циклу, довольно точно воспроизводитъ содержание описательной части соответствующихъ сказаній греческаго Физиолога (типа В, Δ): не указываетъ ли это обстоятельство на то, что нѣкоторые, болѣе исправные списки бестіарія сохраняли и символическія толкованія, утерянные спискомъ Ягича?

² См. Lexicon palaeoslovenicum, etc., fascicul. VI, стр. XV (Compendia): здѣсь указанъ Номоканонъ XVI вѣка, къ коему приписанъ въ концѣ «Физиологъ». Нѣсколько цитатъ изъ этого «Физиолога», приведенныхъ подъ соответственными словами въ Лексиконѣ (стр. 979, и проч.), убѣждаютъ въ тождественности его съ бестіаріемъ Ягича. Въ послѣднее время Мочульскій (Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ, Варшава, 1887, стр. 154) указалъ славянскій списокъ «Физиолога» по рукописи XVI вѣка,

бестиарій Дамаскина Студита, нашедшій широкое разсмотрѣніе въ многостороннихъ статьяхъ академика Ѳ. И. Буслаева¹, и проч. Но помимо этихъ бестиаріевъ, были указаны фрагменты Физіолога въ собственномъ смыслѣ, фрагменты притомъ древнѣйшей рецензіи, именно по Сборнику Новгородской Софійской библіотеки, № 1458, XVI вѣка: на эти сохранившіяся главы древнѣйшей славянской рецензіи указывалъ академикъ А. Н. Веселовскій еще въ 1872 году². Помимо этого, отдѣльныя главы Физіолога разсѣяны по различнымъ сборникамъ различныхъ библіотекъ: важно отмѣтить, что всѣ эти разбросанныя фізіологическія главы замѣтно отличаются по своему содержанію отъ аналогичныхъ вставокъ фізіологическаго характера Толковой Палей и различаются даже между собою, представляя осколки различныхъ рецензій славянскаго Физіолога³. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятые, должны бы были убѣдить, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что славянскій переводъ Физіолога нѣкогда дѣйствительно существовалъ. Во всякомъ случаѣ, самъ собою ставился вопросъ, какъ и чѣмъ объяснить наличность фрагментовъ славянскаго Физіолога въ различныхъ рукописяхъ.

Но этого-то именно вопроса и не касались почти изслѣдователи, такъ или иначе затрогивавшіе вопросы литературной исторіи Физіолога; съ другой стороны, большинство изслѣдователей вовсе, повидимому, не подозрѣвало о существованіи въ рукописяхъ упомянутыхъ выше отдѣльныхъ главъ сла-

принадлежащей М. С. Дринову. Судя по цитатамъ, это все тотъ-же бестиарій, но только средне-болгарской рецензіи: послѣдняя весьма любопытна, и, какъ кажется, болѣе полная.

¹ См. Истор. очерки, 1861 (особенно томъ II, стр. 330 sqq.); Народная поэзія, 1887, стр. 462 sqq., и проч.

² См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, Спб., 1872, стр. 257—258. Г. Смирновъ (см. Описаніе двадцати четырехъ рукописныхъ сборниковъ XVI столѣтія Новгородской Софійской библіотеки, въ Лѣтописи занятій археографической комиссіи, выпускъ 3, III, стр. 1—106) въ своемъ Описаніи указаннаго Сборника (№ 1458) не касался.

³ Эти сборники подробно указаны будутъ ниже.

вянскаго Фізіолога. Свѣдѣнія о полныхъ текстахъ славянскаго Фізіолога, какъ было уже замѣчено, въ литературу вовсе не проникали¹: лично мнѣ извѣстенъ лишь одинъ полный списокъ Фізіолога, найденный мною въ рукописяхъ Троице-Сергіевой Лавры².

Говоря такъ, я имѣю въ виду славянской переводъ той греческой рецензіи Фізіолога, которую я опредѣляю какъ древнѣйшую: ибо мнѣ извѣстны славянскіе переводы двухъ другихъ рецензій Фізіолога (не бестіарія), которыя я признаю за позднѣйшія. Какъ-бы то ни было, несмотря на отсутствіе въ литературѣ указаній на полные славянскіе списки Фізіолога, слѣдовало тѣмъ внимательнѣе отнестись къ отмѣченному академикомъ А. Н. Веселовскимъ софійскимъ фрагментамъ. Но, за немногими исключеніями³, эти фрагменты сла-

¹ Считаю долгомъ выразить глубокую признательность заслуженному профессору Н. С. Тихонравову за обязательное сообщеніе еще объ одномъ полномъ списокѣ Фізіолога, сохранившемся въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (нынѣ петербургской духовной академіи), XIV вѣка: на этотъ сборникъ мое вниманіе обращено было еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но, по моему недоразумѣнію, это обязательное сообщеніе Н. С. Тихонравова было понято мною въ смыслѣ указанія на Софійскій сборникъ, извѣстный мнѣ уже по вышеуказанной цитатѣ академика А. Н. Веселовскаго. Въ настоящее время глубокоуважаемый профессоръ сообщилъ мнѣ, что этотъ-же текстъ, по его-же указанію, приготовленъ къ печати г. Михайловымъ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго обнародованія столь любопытнаго текста. Кстати замѣчу, что Шевыревъ, посѣтившій, какъ извѣстно, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ концѣ сороковыхъ годовъ и «подробно» просмотрѣвшій до семидесяти сборниковъ монастырской библіотеки, не попалъ на слѣдъ этого текста (см. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, стр. 32).

² Въ Описаніи рукописей лаврской библіотеки (см. ч. III, стр. 118, № 729) этотъ списокъ обозначенъ нѣсколько странно: «небольшія статьи изъ естественной исторіи съ иравоученіями». Это смутное обозначеніе и было, вѣроятно, причиной того, что нашъ списокъ остался въ неизвѣстности. Въ черновыхъ бумагахъ А. Н. Попова, какъ сообщилъ мнѣ Н. С. Тихонравовъ, сохранился еще списокъ Фізіолога XV вѣка, равнымъ образомъ извлеченный изъ Толковой Палені.

³ Софійскими фрагментами пользовался Всев. Θ. Миллеръ (въ статьѣ «о лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ», см. Древности, 1877, т. VII, вып. 1, стр. 5), а затѣмъ А. Кирпичниковъ (въ статьѣ о духовныхъ стихахъ,—см. Исторію русской словесности А. Галахова, 2 изд., 1880, стр. 203); далѣе: В. Мочульскій, а. а. о., I. с.

вянского Физиолога, воспроизводящаго древнѣйшую рецензію греческаго Физиолога, были вовсе забыты изслѣдователями, такъ или иначе затрогивавшими вопросъ о Физиологѣ. Такъ, кн. Вяземскій, посвятившій разработкѣ литературной исторіи Физиолога спеціальную статью¹, рассматривалъ въ ней, вмѣсто славянскихъ текстовъ Физиолога, либо Палейныя вставки физиологическаго характера, либо даже вовсе къ Физиологу не относящіяся статьи (о четырехъ великихъ моряхъ, и т. п.). Г. Баталинъ, въ своемъ очеркѣ древне-русскихъ азбуковниковъ остановившійся на характеристикѣ физиологическихъ статей азбуковника, ссылается на «славянскіе переводы» Физиолога². Но это послѣднее утвержденіе не подкрѣплено какими-либо реальными указаніями, а обосновано чисто гипотетически. Г. Баталинъ утверждаетъ, что «славянскій переводъ Физиолога до XVI вѣка несомнѣнно существовалъ»³; но въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ никакихъ указаній на какіе либо тексты, и т. п. По взгляду г. Баталина, въ доказательствахъ нуждается только то положеніе, что славянскій переводъ Физиолога существовалъ и въ XVI вѣкѣ. Впрочемъ, первое утвержденіе авторъ думалъ обосновать ссылкой на то обстоятельство, что статьи Златой Матицы «по всей вѣроятности заимствованы изъ славянскаго перевода Физиолога». Но статьи Златой Матицы буквально сходны съ

¹ См. Памятники древней письменности (Спб., 1878—79, стр. 47—83): «О литературной исторіи Физиолога». Болѣе подробное рассмотрѣніе этой статьи см. ниже, въ первомъ отдѣлѣ первой главы.

² См. Филологическія Записки: 1873, вып. III и IV (въ послѣднемъ особенно стр. 46—68). Въ изложеніи авторъ допускаетъ многія неточности: такъ въ домьсая, что въ рукахъ Іоанна, экзарха болгарскаго, могъ находиться Физиологъ, хотя извѣстно, что экзархъ почерпалъ свои физиологическія свѣдѣнія у Василія Великаго (см. стр. 53); таково указаніе, что появленіе Толковой Палей относится къ XV вѣку (стр. 56); или замѣчаніе (на стр. 59), что «физиологическія сказанія въ той формѣ, въ какой они являются въ Физиологѣ Дамаскина, не вошли въ азбуковникъ», хотя сказаніе объ аспидѣ вошло и въ Толковую Палею и въ азбуковникъ изъ bestiaria Дамаскина (стр. 55).

³ См. стр. 55.

соотвѣтствующими вставками Толковой Палеи и стало быть также заключаютъ отчасти тѣхъ животныхъ, коихъ Физіологъ не упоминаетъ: по всей вѣроятности онѣ и заимствованы изъ Толковой Палеи. Второе свое положеніе, именно, что славянскій Физіологъ существовалъ и въ XVI вѣкѣ, авторъ старается подтвердить ссылкой на то, что одна статья сборника Царскаго (№ 371), носящая заглавіе «Слово и сказаніе о звѣрѣхъ и птахахъ», начинается съ указанія на Физіологъ: «Фисилогъ о лвъѣ», и проч.. Но дѣло въ томъ, что, во первыхъ, это Слово и есть самый Физіологъ¹, а затѣмъ всѣ подлинныя, доселѣ извѣстныя на различныхъ языкахъ рецензій Физіолога ссылаются на Физіологъ (т.-е. на древній, безслѣдно исчезнувшій трактатъ, легшій въ основу того памятника, который развился изъ этого трактата и заимствовалъ отъ него же свое наименованіе)². Очевидно, г. Баталинъ въ своихъ выводахъ руководствовался лишь Описаніемъ рукописей Царскаго, а съ самой рукописью не справился; указаніе же академика Веселовскаго на фрагментарный Физіологъ, которое могло бы довольно осязательно подтвердить его утвержденія, ускользнуло, повидимому, отъ вниманія г. Баталина. А между тѣмъ софійскіе фрагменты сохранили четырнадцать главъ Физіолога древнѣйшей рецензій: мы увидимъ, что и у другихъ изслѣдователей различнаго рода коле-

¹ Какъ будетъ показано ниже, этотъ текстъ представляетъ списокъ славянскаго перевода той греческой рецензій Физіолога, представителемъ которой, до извѣстной степени, можетъ быть принятъ кодексъ Парижской Національной Библіотеки XIII вѣка, означенный у Pitra (Spic. Sol., III, стр. 338) чрезъ Δ.

² Къ числу неудачныхъ домысловъ г. Баталина слѣдуетъ отнести и тотъ, по которому въ XVII вѣкѣ встрѣчаются «сборники физіологическихъ статей, извѣстные подъ названіемъ: изъ обѣда и изъ вечери». Авторъ прибавляетъ, что составитель статьи «пользовался помимо книжныхъ источниковъ и своими личными наблюденіями надъ жизнью животныхъ», что можно предполагать на основаніи статей о псѣ, пнеикѣ, волѣ, и проч. (о. с., стр. 59—60). Такихъ сборниковъ не существуетъ, а есть, дѣйствительно, выборки изъ Обѣда и Вечери С. Полоцкаго, каковыя встрѣчаются, напримѣръ, въ Сборникѣ Синадальной библіотеки, № 377.

банія и недоразумѣнія исходили изъ нежеланія обратиться къ этимъ сохранившимся главамъ славянскаго Физіолога, разъ свѣдѣнія о полныхъ текстахъ въ литературу не проникали. Съ вопросомъ о славянскомъ переводѣ Физіолога пришлось столкнуться и г. Успенскому¹, въ его монографіи Толковой Палеи. Желая опредѣлить источникъ фізіологическихъ свѣдѣній, вошедшихъ въ Толковую Палею, г. Успенскій останавливается на мысли о славянскомъ переводѣ Физіолога, хотя скорѣе склоненъ признать, что славянскіе переводы, упомянутые г. Баталинымъ, до насъ не дошли². Последнее замѣчаніе справедливо, поскольку оно не касается неизданныхъ текстовъ славянскаго Физіолога; хотя, все-же, не слѣдовало игнорировать софійскіе фрагменты, въ связи съ отдѣльными фізіологическими выборками различныхъ сборниковъ дающіе болѣе или менѣе ясное указаніе на существованіе славянскаго перевода Физіолога. По мнѣнію г. Успенскаго, описанія животныхъ вошли въ Толковую Палею изъ Физіолога псевдо-Епифанія: это вполнѣ невѣрно, ибо самъ же авторъ относитъ время составленія Толковой Палеи къ VIII—IX вѣку³, а сводъ, приписанный св. Епифанію, составленъ былъ, какъ будетъ показано ниже, въ концѣ XVI вѣка⁴.

¹ См. Толковая Палея, В. Успенскаго (Казань, 1876).

² О. с., стр. 116. Къ голословному утвержденію г. Баталина авторъ отнесся осторожно (стр. 116, примѣчаніе 1).

³ О. с., стр. 129. И. Ждановъ (Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1881, № 9, стр. 250) время составленія Толковой Палеи относитъ къ IX—XI вв. Домыслъ г. Успенскаго, будто фізіологическія вставки Палеи заимствованы у псевдо-Епифанія, удержанъ г. Ждановымъ: «Въ экзегетической части Палеи указываютъ заимствованія изъ сочиненій св. Епифанія» (Ibidem). Здѣсь авторъ цитуетъ тѣ именно страницы книги г. Успенскаго, гдѣ послѣдній касается мнимаго тождества фізіологическихъ вставокъ Палеи съ соответствующими главами Физіолога псевдо-Епифанія.

⁴ Помимо этого, точное сопоставленіе вставокъ Толковой Палеи и соответствующихъ главъ псевдо-Епифанія не позволяетъ останавливаться на указанномъ положеніи г. Успенскаго (у послѣдняго см. стр. 35—37, 84—86, 115, и проч.): самъ авторъ замѣтилъ, что аспидъ нѣтъ вовсе у псевдо-Епифанія (стр. 37), а прочія сказанія (напр. о харадрѣ, стр. 84) замѣтно

Вопросъ объ источникахъ фізіологическихъ статей въ славянской письменности затронулъ и г. Карповъ¹; но, желая отыскать эти источники, авторъ изслѣдованія объ алфавитахъ иностранныхъ рѣчей вмѣсто того, чтобы обратиться къ Софійскому фрагментарному Физіологу, называетъ многіе памятники, не заключающіе фізіологическихъ статей въ собственномъ смыслѣ слова (какъ хронографы, и т. п.²). Эта неопредѣленность въ постановкѣ и разрѣшеніи вопроса о славянскихъ рецензіяхъ Физіолога невыгодно отзывалась на изысканіяхъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ соприкасавшихся съ Физіологомъ. Даже такой знатокъ русскихъ древностей, какъ гр. А. С. Уваровъ, разбирая извѣстную статью Азбуковника (что ради пророкъ Иезекиілю Іоанново благовѣстіе во образѣ львовъ промвлєно), принужденъ былъ обращаться къ западнымъ текстамъ Физіолога³, ибо славянской переводъ бестіарія Дамаскина не даетъ символическихъ примѣненій различныхъ баснословныхъ свойствъ льва, а славянскіе тексты Физіолога, вполне объясняющіе названную статью, въ то время, какъ мы знаемъ, вовсе не упоминались въ литературѣ.

расходятся въ описательной части отъ изложенія псевдо-Епифанія. Для сказанія объ аспидѣ г. Успенскій не нашелъ источника (таковымъ является бестіарій Дамаскина).

¹ См. Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей (Казань, 1878), стр. 258—262.

² Въ болѣе непосредственной связи съ фізіологическими сказаніями стоятъ лишь статьи Толковой Пален, и то далеко не всѣ. Впрочемъ, у насъ принято называть фізіологическими сказаніями всякаго рода баснословныя свѣдѣнія изъ жизни животныхъ: въ настоящемъ изслѣдованіи понятіе «фізіологическій» обнимаетъ лишь тѣ сказанія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ Физіологу эллино-александрійской редакціи.

³ См. Древности (Труды Московск. Археологич. Общества, томъ I, вып. 2, 1867), статью: Недремаемое око Спасово (отрывокъ изъ русской символики). Ср. стр. 126: «Раздѣленіе всей статьи на три таинства львиной природы (принадлежащее, замѣтимъ отъ себя, греческому Физіологу) есть подражаніе западнымъ бестіаріямъ...»; ср. также стр. 127 sqq., гдѣ, по поводу втораго свойства льва, отмѣчается «близость русскаго перевода къ французскому Физіологу». Замѣчу, что эту же статью азбуковника, вошедшую и въ иконописный подлинникъ, разсмотрѣлъ въ связи съ бестіаріемъ Дамаскина и Ѳ. И. Буслаевъ еще въ Историческихъ Очеркахъ (см. II томъ, стр. 367—369).

Не входя въ большія подробности, возвращаюсь къ тому обстоятельству, что полныхъ списковъ славянскаго Физіолога древнѣйшей рецензіи сохранилось всего три¹. Если мы обратимся къ западнымъ рецензіямъ Физіолога, то увидимъ, что однихъ латинскихъ списковъ, доселѣ извѣстныхъ, насчитывается около шести десятковъ; если же включить сюда списки латинскаго бестіарія, принявшаго въ себя Физіологъ почти въ цѣломъ составѣ и восходящаго по рукописямъ къ XII вѣку, то получаемъ около сотни списковъ, не касаясь списковъ различныхъ литературныхъ обработокъ бестіарнаго матеріала. Такая малочисленность славянскихъ списковъ сравнительно съ внушительнымъ количествомъ латинскихъ и западныхъ рецензій невольно возбуждаетъ вопросъ о сравнительной популярности Физіолога на Западѣ и на Руси. О популярности извѣстнаго памятника лучше всего свидѣтельствуютъ литературныя подражанія, обработки и различнаго рода отсоеденія даннаго матеріала²: о внѣшнемъ признакѣ популярности памятника, количествѣ списковъ, только-что было говорено.

Въ первое время по переходѣ своемъ на Западъ Физіологъ встрѣченъ былъ не особенно дружелюбно: на первомъ римскомъ соборѣ (494) папа Геласій внесъ Физіологъ въ число запретныхъ книгъ³. Но уже папа Григорій Великій (590 † 604) снялъ этотъ запретъ съ Физіолога, собственнымъ примѣромъ освятивъ эксплуатацію фізіологическихъ сказаній въ цѣляхъ

¹ Собственно говоря — два, ибо списокъ, сохранившійся въ черновыхъ бумагахъ А. Н. Попова, списанъ съ той же Толковой Палей № 729, въ которой, года три тому назадъ, нашелъ и я упомянутый текстъ Физіолога. За точное сообщеніе по поводу черноваго списка А. Н. Попова выражаю полную признательность М. Н. Сперанскому.

² Въ настоящемъ вступительномъ очеркѣ я отмѣчаю только нѣкоторые факты литературной исторіи Физіолога на Западѣ, иллюстрирующіе популярность его въ духовной литературѣ, ибо вопросъ о популярности фізіологическихъ сказаній въ литературныхъ памятникахъ вообще подробнѣе разсматривается въ главѣ четвертой настоящаго изслѣдованія.

³ «Liber physiologus, qui ab haereticis conscriptus est et B. Ambrosii nomine praesignatus, Apocryphus» (§ 65 декрета. См. Fabricii: Bibl. graeca, VIII, стр. 272).